

А. А. ТРУФАНОВ

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ПЕРСТНИ С ЭМАЛЕВЫМИ ВСТАВКАМИ ИЗ ВАРВАРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КРЫМА

Аннотация: Бронзовые перстни с украшенными эмалью щитками входят в круг вещей, распространенных на территории римских провинций и являющихся составной частью провинциально-римской материальной культуры. В статье рассматриваются находки таких изделий, выявленные в погребениях варварских могильников Крымского полуострова. На основании формальных отличий среди них выделяются перстни 5 вариантов. Перстни с эмалью обнаружены в захоронениях, датирующихся в пределах II в. и второй половины II – первой половины III в. Исходя из этих датировок, попадание перстней с эмалью в крымские погребения, по крайней мере, с середины II в., сомнений не вызывает. Однако предположение о появлении изделий этого типа в более раннее время (в конце I – первой половине II в.) нуждается в дополнительных доказательствах.

Ключевые слова: Крым, могильники, погребения, перстни, эмалевые вставки, хронология.

Включение Северного Причерноморья в сферу интересов Римской империи способствовало распространению на этой территории изделий провинциально-римского производства. К их числу, среди прочего, относят бронзовую посуду и фибулы, аналогичные находкам из римских провинций. Такие изделия поступали не только к варварскому населению данного региона, находившемуся в прямых контактах с античными городами, но и к варварам, проживавшим на довольно значительном удалении.

Начиная с I в. н. э. в элитных варварских погребениях Крыма появляется римская бронзовая посуда, а в захоронения рядовых жителей попадают многочисленные фибулы западноевропейских типов. В это же время здесь значительно возрастает количество импортной краснолаковой посуды и различных мелких бронзовых изделий. В частности, обыденными украшениями становятся металлические перстни. В могильниках варварского населения Крыма второй половины I – IV в. они исчисляются сотнями.

Среди этих находок выделяется группа изделий, обладающих формальным и технологическим сходством с вещами, распространенными в римских провинциях. Это бронзовые перстни со щитками, украшенными цветной эмалью. Они представляют собой изделия с круглым (реже – овальным) щитком и тонкой шинкой, украшенной выступами по бокам от щитка. Шинка уплощенная изнутри и выпуклая снаружи, углубление на внешней поверхности щитка заполнено эмалью.

Учтено 29 экземпляров целых и фрагментированных перстней, украшенных эмалью, происходящих из 22 комплексов Юго-Западного и Центрального предгорного Крыма. Значительная часть находок выявлена в погребениях Усть-Альминского некрополя (20 экземпляров из 13 комплексов). Прочие перстни происходят из могильников «Совхоз 10», Черноречье, Бельбек IV, Заветное, Нейзац и некрополя Неаполя скифского.

Усть-Альма, склеп 125, погребение 2 (рис. 2,1). Перстень с круглым щитком и двумя цилиндрическими выступами на шинке, круглая лицевая часть которых орнаментирована рельефными кольцами. Центральная часть щитка украшена рельефным зубчатым кольцом на фоне красной эмали¹. Этот перстень относился к одному из позднейших захоронений в погребальной камере склепа и «по условиям находки» в публикации был датирован II–III вв. [6, с. 113, табл. 41,16], однако такая датировка представляется неоправданно широкой. В составе вещей, сопровождавших погребение, вместе с перстнем находилась лучковая подвижная фибула 5 варианта [2, с. 51] со сплошной обмоткой спинки, что позволяет сузить датировку комплекса, определяя ее в границах конца II – первой половины III в.

Усть-Альма, могила 191 (рис. 2,2,3). В погребении обнаружены два одинаковых перстня с выступами на шинке, круглые щитки которых украшены рельефными зубчатыми кольцами на фоне красной эмали. В этой же могиле найдены краснолаковые сосуды: двуручный кувшин, подобные которому происходят из комплексов, датирующихся от последней четверти I – начала II до конца II – начала III в. (форма б) [9, с. 72], и тарелка с вертикальным бортиком (тип III-Г-3) II в. [18, с. 188], на основании чего погребение может быть отнесено ко II в. Хронология остальных вещей из данного комплекса (бусы, колокольчики) этому не противоречит.

Усть-Альма, могила 284 (рис. 2,4). В детском захоронении найден перстень с круглым щитком, декорированным зубчатым кольцом на фоне красной эмали. В этой же могиле находились краснолаковые сосуды, фибулы, бусы и пять перстней со стеклянными вставками. В числе обнаруженных фибул² одна сильно профилированная со спинкой из круглого в сечении стержня, без крючка для тетивы, подобные которой датируются II в. (серия II, вариант 1 [2, с. 42, табл. 8,9,12,13], серия III [11,

¹ Благодарю хранителя музейных предметов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника И. И. Неневолю за помощь, оказанную при работе в фондах музея.

² Всего в погребении были найдены три фибулы, но две из них разрушились, так что их форма неизвестна.

с. 249, рис. 68]). Это дает основание для датировки рассматриваемого погребения в границах II в.

Усть-Альма, склеп 316 (рис. 2,5,6). Два одинаковых фрагментированных перстня с выступами на шинке и круглыми щитками, украшенными эмалевыми вставками (орнамент: зубчатое кольцо на фоне красной эмали), обнаружены в склепе среди костей погребений верхнего яруса [13, к.о. 248, 249]. Всего в погребальной камере было совершено несколько десятков захоронений, расположенных в три яруса. Нижние ярусы состоят из захоронений второй половины I – первой половины II в., погребения верхнего яруса А. Е. Пуздровский отнес к первой половине III в. [12, с. 167]. Не исключено, однако, что столь длительного перерыва в функционировании склепа не было, и самые поздние погребения в его камере совершались во второй половине II в. Наиболее поздней из обнаруженных здесь находок является шарнирная трубчатая подвеска, аналогии которой «в Крыму и на сопредельных территориях» встречаются в комплексах второй половины II – первой половины III в. [23, с. 342, прим.].

Усть-Альма, могила 331 (рис. 2,7). Фрагментированный перстень с выступами на шинке и круглым щитком с эмалевой вставкой (орнамент: зубчатое кольцо на фоне красной эмали) [13, к.о. 372]. Помимо него в погребении найдены бусы, браслет с окончаниями в виде змеиных головок, а также краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком II – первой половины III в. (форма 4.2) [9, с. 46, 47]. Отсутствие в данном комплексе бус поздних типов, характерных для конца II – первой половины III в., дает некоторые основания для отнесения данного погребения ко II в.

Усть-Альма, склеп 424-А, погребение 9 (рис. 2,8–10). Из склепа происходят три фрагментированных перстня с эмалью [14, к.о. 730]. У одного из них шинка украшена четырьмя выступами (рис. 2,10), у другого передняя часть шинки оформлена в виде утолщений и выступов (рис. 2,9), особенности декора третьего изделия определить сложно из-за малых размеров фрагмента (рис. 2,8). Вместе с перстнями найдены фибула с завитком на конце пластинчатого приемника второй половины I – II в. (группа 8, серия I, форма 5) [11, с. 183, 188, 189] и орнаментированное зеркало-подвеска II – первой половины III в. (вариант 6-А) [20, с. 178]. Всего в погребальной камере склепа зачищены остатки не менее 15 погребений, что свидетельствует о длительности функционирования данного погребального сооружения. Среди обнаруженных находок присутствуют краснолаковые тарелки группы ESB-2 и понтийской сигиллаты (с клеймом *planta pedis*), а к числу наиболее поздних вещей относится шарнирная фибула-брошь с эмалью, подобные которой датируются второй половиной II в. (тип 7.13) [28, Taf. 61,1612] или концом II – первой половиной III в. (форма 54) [11, с. 311].

Усть-Альма, склеп 520, погребение 2 (рис. 2,11,12). Два перстня, украшенные эмалью, найдены среди вещей, сопровождавших одно из самых поздних погребений, совершенных в этом склепе. Шинка одного украшена четырьмя выступами (рис. 2,11), у другого ее передняя часть оформлена в виде утолщений и выступов (рис. 2,12). Среди прочих находок из данного погребения: краснолаковый кувшин,

аналогии которому происходят из комплексов 125/150–200 гг. (тип 16, вариант 2-а) [21, с. 128, 192, рис. 45,4], лучковая подвязная фибула (вариант 4) второй половины II – начала III в. [2, с. 50] или «заключительной части» II – первой половины III в. [11, с. 77, 80], орнаментированное зеркало-подвеска и бусы. В числе бус сложнодисковидные изделия с металлической прокладкой типа 25 и цилиндрические искривленные из красного глухого стекла типа 57 [1, с. 32, 67], характерные для комплексов второй половины II – первой половины III в. [21, с. 253, 254]. На основании перечисленных датировок комплекс может быть отнесен ко второй половине II в.

Усть-Альма, могила 582 (рис. 2,13). Перстень с круглым щитком с утолщениями и выступами на шинке найден в детском погребении в грунтовой могиле с каменным перекрытием. Помимо него в составе вещевого набора, сопровождавшего погребение, находились два перстня иной формы, три фибулы смычковой конструкции, краснолаковая тарелка, зеркало-подвеска II – первой половины III в., бронзовый колокольчик второй половины II – первой половины III в. и бусы (в том числе цилиндрические из красного глухого стекла типа 57 [1, с. 67]) этого же времени.

Усть-Альма, могила 589 (рис. 2,14). Перстень с круглым щитком и двумя выступами на шинке находился в составе комплекса вещей, сопровождавших женское погребение в подбойной могиле. Здесь же найдены краснолаковый узкогорлый кувшин конца II – первой половины III в. (форма 39) [9, с. 89, 90] и набор бус, типичный для погребений второй половины II – первой половины III в.

Усть-Альма, могила 656 (рис. 3,1,2). В могиле найдены два одинаковых перстня с выступами на шинках и круглыми щитками, украшенными орнаментом в виде зубчатого кольца на фоне красной эмали. Перстни обнаружены среди вещей из погребений (одного женского и двух детских) верхнего яруса плитовой могилы вместе с монетой Антонина Пия (152–153 гг.) и другими находками (краснолаковыми сосудами, фибулами, бусами), позволяющими датировать комплекс второй половиной II в. [19, с. 226–229, рис. 1,4; 2,11].

Усть-Альма, склеп 830 (рис. 3,3). Перстень с круглым щитком и выступами на шинке по бокам от него. Указание на наличие остатков эмали в отчете отсутствует, но на рисунке обозначены контуры вставки. Перстень найден в разграбленном склепе, время функционирования которого на основании прочих разрозненных находок было определено в границах последней трети I – первой половины II в. [15, с. 11]. Не исключено, однако, что последние захоронения в склепе совершались несколько позже середины II в.

Усть-Альма, могила 894 (рис. 3,4). Перстень с круглым щитком и выступами на шинке происходит из женского погребения в грунтовой могиле с каменным перекрытием. Вещами, определяющими датировку комплекса, являются лучковая подвязная фибула (5 вариант) конца II – первой половины III в. [2, с. 51] и краснолаковый кувшин (тип 11-1) [21, с. 178] этого же времени.

Усть-Альма, могила 1086 (рис. 3,5,6). Два перстня с круглыми щитками, украшенными эмалью, найдены в женском погребении, совершенном в подбойной могиле. У одного из них эмалевая вставка состоит из синего круга в центре, окруженного

четырьмя меньшими белыми кругами на красном фоне, а шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений (рис. 3,5). У другого эмалевая вставка разрушилась, а шинка по бокам от щитка, помимо утолщений, декорирована дополнительными выступами (рис. 3,6). В могиле также найдены две краснолаковые тарелки с вертикальным бортиком (форма 4.2) II – первой половины III в. [9, с. 46, 47], орнаментированное зеркало-подвеска (вариант 6-А) [20, с. 178] этого же времени, лучковая подвижная фибула с нижней тетивой (серия II, вариант 1) [2, с. 52] и набор бус, обычный для комплексов второй половины II – первой половины III в.

Некрополь Неаполя скифского, могила 3, погребение 1 (рис. 3,7). Перстень с круглым щитком и выступами на шинке находился среди вещей, относящихся к одному из двух детских погребений в подбойной могиле [17, с. 60, табл. XXX,3]. Вместе с перстнем найдена лучковая фибула с фигурной обмоткой второй половины II – первой половины III в. [21, с. 210, 213] или конца II – первой половины III в. (серия I, вариант 4, форма 2) [11, с. 77, 80, 116, 333].

Нейзац, могила 90 (рис. 3,8). Опубликован найденный в могиле бронзовый перстень с круглым щитком и выступами на шинке. Щиток «орнаментирован двумя concentрическими линиями», «поверхность между орнаментом и краем щитка заполнена красной эмалью» [24, с. 43, рис. 45,12]. Информация о датировке комплекса в цитируемой статье отсутствует.

Бельбек IV, могила 243 (рис. 3,9). Фрагментированный перстень с круглым, украшенным эмалью щитком найден в грунтовой могиле с женским погребением. Передняя часть шинки оформлена в виде утолщений и выступов. Могила датирована авторами публикации второй – третьей четвертью II в. [7, с. 175; 8, табл. 169,8]. В этой же могиле найдены краснолаковые сосуды (кружка формы 1 и кувшин формы 2.4) II в. [9, с. 75, 92], лучковая подвижная фибула (серия I, вариант 2/3) второй половины I–II в. [11, с. 72–77] и зеркало-подвеска II – первой половины III в. (вариант 6-А) [20, с. 178]. Попадание перечисленных вещей в единый погребальный набор могло произойти во II в. Ввиду отсутствия в этом комплексе бус поздних типов, обычных для погребений второй половины II – первой половины III в., можно предположить, что рассматриваемое захоронение было совершено до финальной части II в.

Бельбек IV, могила 260 (рис. 3,10). Перстень с круглым щитком, украшенным эмалью, и утолщениями на шинке по бокам от щитка происходит из грунтовой могилы с женским погребением. Авторы публикации датировали комплекс концом II – началом III в. [7, с. 179; 8, табл. 181,5]. Основанием для датировки служат краснолаковый кувшин (форма 12.1) [9, с. 80] и бусы этого времени

Могильник Бельбек IV (рис. 3,11). Перстень с круглым, украшенным эмалью щитком и выступами на шинке числится среди случайных находок, обнаруженных на территории могильника [8, табл. 221,13].

Заветное, могила 310, погребение 2 (рис. 3,12). Перстень с овальным, украшенным эмалью щитком (орнамент: четыре круга на фоне эмали) и утолщениями

на шинке происходит из женского погребения в подбойной могиле, датированной авторами публикации первой половиной III в. [10, с. 254, 255, рис. 17,15].

Заветное, могила 311 (рис. 3,13). Перстень с круглым щитком с эмалевой вставкой (орнамент: четыре круга на фоне эмали) найден в женском погребении, совершенном в подбойной могиле. Шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений и выступов. Авторы публикации отнесли погребение ко второй половине II – первой половине III в. [10, с. 256, рис. 18,2].

«**Совхоз 10», могила 52** (рис. 3,14). Перстень с овальным, вертикально вытянутым щитком со вставкой «из красноватой пасты» найден в могиле, отнесенной авторами публикации ко II–III вв. [16, с. 166, табл. 7,72]. Передняя часть шинки изделия оформлена в виде утолщений и выступов. Из этого же комплекса происходят бусы и бронзовые подвески второй половины II – первой половины III в., а также фибула смычковой конструкции. Здесь же найдено бронзовое кольцо большого диаметра с тремя рядами выступов, подобные которому в Крыму встречаются в погребениях, датирующихся не позже конца II в., что, на мой взгляд, служит основанием для отнесения рассматриваемого погребения ко второй половине II в.

Черноречье, могила 15 (45)³ (рис. 3,15). Фрагмент бронзового перстня с круглым щитком, украшенным синей эмалью, и утолщениями на шинке по бокам от щитка найден вместе с монетой Марка Аврелия (161–180 гг.) [3, с. 103]. В этой же могиле обнаружена лучковая подвижная фибула с нижней тетивой и пластинчатой спинкой, украшенной «змейкой» (серия II, вариант 4, форма 3), подобные которой происходят из погребений конца II – первой половины III в. [11, с. 135, 136].

Типология и вопросы хронологии. Выявленные в Юго-Западном и Центральном предгорном Крыму перстни с эмалью входят в круг вещей, распространенных на территории римских провинций и являющихся составной частью провинциально-римской материальной культуры.

Общим формальным признаком перстней, обнаруженных в Крыму, является наличие выступов на шинке по бокам от щитка. У подавляющего большинства изделий щиток круглый, у двух перстней овальный. Орнамент на щитке состоит из рельефного зубчатого кольца на фоне красной эмали или разноцветных (белых, синих) кругов на красном фоне, у одного изделия щиток полностью покрыт эмалью синего цвета. На основании отличий в оформлении передней части шинки различаются перстни нескольких вариантов.

Вариант 1. Шинка по бокам от щитка украшена двумя заостренными выступами (рис. 2,2–7,14; 3,1–4,7,8,11).

Вариант 2. Шинка по бокам от щитка украшена четырьмя заостренными выступами (по два с каждой стороны) (рис. 2,10,11).

³ В публикации материалов раскопок Чернореченского могильника изображение этого перстня отсутствует, но в тексте содержится упоминание о семи обломках перстней, среди которых, надо полагать, был и этот [3, с. 103]. Предмет хранится в фондах Бахчисарайского музея-заповедника (инв. № А-Д-1026).

Вариант 3. Шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений и украшена дополнительными выступами (рис. 2,8,9,12,13; 3,6,9,13,14).

Вариант 4. Шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений (рис. 3,5,10,12,15).

К изделиям вариантов 1–4 относятся почти все перстни с эмалью, выявленные в погребениях Юго-Западного и Центрального Крыма, что свидетельствует об их распространении среди проживавшего здесь варварского населения. Напротив, в Восточном Крыму подобные перстни исключительно редки. Один такой перстень (с круглым щитком и «с утраченной вставкой») происходит из разграбленной могилы некрополя городища Артезиан, отнесенной автором публикации к I–II вв. [5, рис. 287,6], хотя для такой датировки, на мой взгляд, нет достаточных оснований, ибо иных датирующих вещей в могиле не обнаружено.

Появление подобных перстней в западных римских провинциях, в Рейнской области и в Словении относят к концу II в. [29, S. 33, 130]. Они известны в числе находок на территории Галлии (тип 3, варианты c, d) (рис. 5,7,8) [26, fig. 5,2; 21,c,d; 23,c,d], выявлены в римском городе Аугуста Раурика на Рейне (тип 2) (рис. 5,1,2) [29, S. 33, 130, Taf. 7,108,109]. В Колчестере (Британия) похожие перстни найдены в контексте материалов 100/125–300 и 320–450 гг. (рис. 5,3–5) [25, p. 49, fig. 50,1778,1781,1785].

Вариант 5. Шинка по бокам от щитка украшена двумя цилиндрическими выступами (рис. 2,1). Такой перстень обнаружен в комплексе конца II – первой половины III в. (склеп 125/2, Усть-Альма). Аналогичные перстни известны среди находок, обнаруженных на территории Галлии (тип 4, вариант d) (рис. 5,6), но сведения об их датировке в соответствующей статье отсутствуют [26, fig. 5,3; 26,d; 30,d].

Из перечисленных перстней с эмалью, выявленных в могильниках варварского населения Крыма: 9 экземпляров происходят из 6 комплексов II в., 18 – из 14 комплексов второй половины II – первой половины III в. (из них 5 – из 3 погребений второй половины II в., 7 – из 5 захоронений второй половины II – первой половины III в., 6 – из 6 комплексов конца II – первой половины III в.). Датировка еще 2 находок не установлена.

Примечательно, что некоторые учтенные комплексы датируются в рамках II в., что допускает совершение погребений с перстнями, украшенными эмалью, как до, так и после середины века. В связи с этим следует упомянуть группу перстней, формально близких рассматриваемым изделиям с эмалью – это перстни с выступами на тонкой шинке и круглыми щитками, на которых не выявлено остатков эмали или имеются стеклянные вставки.

Перстни с выступами на шинке, отличающиеся тем, что их вставки выполнены из «стеклянной массы» (glass), известны среди материалов раскопок римского города Аугусты Раурики на Рейне (тип 3) (рис. 5,14,15), в том числе с керамикой второй половины II – первой половины III в., монетами Адриана и Антонина Пия [29, S. 33, 130, Taf. 7,110,111]. Подобные находки выявлены и в Британии (рис. 5,16) [25, p. 49, fig. 50,1780]. Перстни, описанные как изделия со стеклянными вставками

(рис. 5,9–13), найдены в некрополе Никония в составе комплексов, датированных последней четвертью II – началом III в. [4, с. 98–101, рис. 69; 72,2–6]. Судя по этим публикациям, датировки перстней как с эмалевыми, так и со стеклянными вставками практически не расходятся, оставаясь в границах второй половины II – первой половины III в.

Между тем, есть сведения о немногочисленных находках перстней с выступами на шинке, происходящих из комплексов более раннего времени. В монографии Т. Н. Высотской сообщается о 3 таких перстнях (рис. 4,1–3), найденных в Усть-Альминском некрополе в погребениях, отнесенных автором к I в. (могила 27, склепы 88 и 125)⁴ [6, с. 113, рис. 34,7, табл. 6,33; 27,14; 42,6]. На представленном в публикации рисунке видно, что у одного из них (склеп 88) (рис. 4,2) имеется круглая вставка или гнездо для вставки, у двух других щиток нарисован плоским, без контуров вставки (рис. 4,1,3). Возможно, в этих случаях речь идет о перстнях, вставки которых оказались разрушенными, но нельзя исключать и того, что щитки этих изделий изначально не имели каких-либо украшений. В могиле 27 с двумя погребениями такой перстень (рис. 4,1) [6, табл. 6,33] найден с вещами, датирующими комплекс последней третью I – началом II в. Перстень из склепа 88 (рис. 4,2) происходит из погребения последней трети (или конца) I – первой половины II в., перстень из склепа 125 (рис. 4,3) не привязан к какому-либо конкретному захоронению и может быть датирован в широком временном диапазоне.

Еще два перстня с выступами на шинке из погребений Усть-Альминского некрополя предположительно имели полусферические стеклянные вставки. Один из них (рис. 4,4) найден среди вещей, относящихся к погребениям 21–23 из склепа 520. Гроб с этими погребениями перекрывал более ранние захоронения второй половины I в., а сам был перекрыт более поздним погребением первой половины II в. [21, с. 307–310, рис. 94], что позволяет относить данный комплекс к концу I – первой половине II в. Похожий перстень с полусферической стеклянной вставкой (рис. 4,5) найден в могиле 564 вместе с шарнирной фибулой с эмалью (группа 16, форма 33) II в. [11, с. 309, 314] и набором бус второй половины II – первой половины III в., что дает возможность отнести данное погребение ко второй половине II в.

Здесь надо указать, что оба упомянутых выше перстня (из склепа 520 и могилы 564) найдены во фрагментах и лишь реконструированы как изделия со стеклянными вставками. Не исключено, что отнесенные к их конструкции полусферические вставки на самом деле являлись частями иных, полностью разрушившихся перстней. Иными словами, обнаруженные перстни могли являться изделиями с плоскими щитками без стеклянных вставок или со щитками, украшенными эмалью, которая со временем разрушилась.

На основании приведенных датировок можно предположить, что самые ранние крымские находки перстней с выступами на шинке относятся к последней трети /

⁴ Находки из этих комплексов хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника, но обнаружить данные перстни среди них не удалось.

концу I – первой половине II в. Вопрос о том, были ли щитки этих изделий украшены эмалью (разрушившейся со временем), стеклянными вставками или не имели никаких украшений, остается открытым. Полагаю, что наличие у этих изделий эмалевой вставки не так уж невероятно.

В Северном Причерноморье известно множество импортных фибул, украшенных эмалью, аналогичных заколкам из римских провинций. Считается, что в сравнении с западноевропейскими находками, датирующимися от второй половины I – первой половины II в. и позже [27, р. 393, 394, fig. 58; 28, Taf. 7; 30, S. 163, Taf. 213], фибулы из северопричерноморских комплексов несколько «запаздывают». Было высказано предположение о том, что фибулы, украшенные вставками одноцветной и двухцветной эмали, выявленные на юге Восточной Европы, относятся к «периоду формирования позднесарматской культуры (большая часть II в. н. э.)» [11, с. 315]. Таким образом, даже с учетом вероятного «запаздывания», появление ранних фибул с эмалью в Северном Причерноморье относят ко времени не позже начала II в.

Нельзя ли предположить, что наиболее ранние перстни, украшенные эмалью, появились в Крыму в одно время с ранними эмалевыми фибулами? С другой стороны, вряд ли можно ожидать подтверждения тому, что в Северном Причерноморье такие перстни появились раньше, чем в западных провинциях, а большинство находок с западных территорий датируется не ранее середины II в.

Достоверных данных о попадании перстней с эмалью в погребения варварского населения Крыма после середины III в. в настоящее время нет. Единственная находка, которую в предположительной форме можно отнести к подобным изделиям, обнаружена в могиле 73 из Дружного (рис. 4,б), датированной IV в. [22, с. 32, 70, рис. 170,3]. Это перстень с круглым щитком и двумя выступами на шинке, отличающейся ребристой поверхностью. Вставка, украшавшая щиток, разрушилась. Не исключено, что она была эмалевая. Если это действительно так, то данный комплекс иллюстрирует наиболее поздний случай попадания перстней с эмалью в погребения варварского населения Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 100 с. (САИ. Вып. Г1–12).
2. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука, 1966. 116 с. (САИ. Вып. Д 1–30).
3. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–123.
4. Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М. Никоний римской эпохи. Одесса, 2008. 224 с. (Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 10).
5. Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Керчь, 2014. 680 с. (БИ. Suppl. 12).
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.

7. Гушина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
8. Гушина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 2. М.: Исторический музей, 2016. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
9. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).
10. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.
11. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
12. Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 167–180.
13. Пуздровский А.Е., Лобода И.И. Отчет об охранных археологических раскопках Усть-Альминского позднескифского могильника в 1993 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27.
14. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1994 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.
15. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: ИП Бровка, 2017. 372 с.
16. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
17. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.
18. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 181–192.
19. Труфанов А.А. Могила № 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 226–231.
20. Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
21. Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
22. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
23. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. 2003. Вып. III. С. 329–349.
24. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–113.
25. Crummy N. The Roman small finds from excavations in Colchester 1971–9. Colchester, 1983. 446 p. (Colchester archaeological Report. 2).
26. Guiraud H. Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule // *Gallia*. 1989. Т. 46. Р. 173–211.

27. Feugère M. Les Fibules en Gaule Méridionale (de la conquête à la fin du V s. ap. J.–C.). Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 503 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12).
28. Riha E. Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1979. 201 S. (Forschungen in Augst. Bd. 3).
29. Riha E. Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1990. 235 S. (Forschungen in Augst. Bd. 10).
30. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Augst, 1994. 205 S. (Forschungen in Augst. Bd. 18).

REFERENCES

1. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya*, Moscow, Nauka Publ., 1978, 100 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. G1–30).
2. Ambroz A.K. *Fibuly iuga evropejskoj chasti SSSR (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*, Moscow, Nauka Publ., 1966, 116 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. D1–30).
3. Babenchikov V.P. Chornorichens'kij mogil'nik. *Arkheologichni pam'yatki* URSS, Kiev, 1963, T. XIII, pp. 90–123.
4. Bruyako I.V., Dzigovskii A.N., Sekerskaia N.M. *Nikonii rimskoj epokhi*, Odessa, SMIL Publ., 2008, 224 p.
5. Vinokurov N.I. *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'ye (materialy raskopok 1999–2007 gg.)*, Simferopol, Kerch, 2014, 680 p.
6. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*, Kiev, Kievskaya Akademiya Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.
7. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu*. Part 1, Moscow, Istoricheskij muzej Publ., 2016, 272 p.
8. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu*. Part 2, Moscow, Istoricheskij muzej Publ., 2016, 320 s.
9. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaya keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolej Bel'bekskoj doliny)*, Simferopol, 2010, 320 p.
10. Zaitsev Iu.P., Voloshinov A.A., Kiunel't E., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. *Pozdneskifskii nekropol' Zavetnoe (Alma-Kermen) 1–3 vv. n. e. v Iugo-Zapadnom Krymu*. Raskopki 2004 g. *Drevnyaya Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 249–290.
11. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoj epokhi*, Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2010, 384 p.
12. Puzdrovskij A.E. Graffiti na krasnolakovoj posude iz raskopok Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 1993–1995 gg. *Bakhchisarayskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Tavriya Publ., 1997, Vol. 1, pp. 167–180.
13. Puzdrovskij A.E., Loboda I.I. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh Ust'-Al'minskogo pozdneskifskogo mogil'nika v 1993 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossijskoj akademii nauk*, F. 1, Op. 1, D. 27.
14. Puzdrovskij A.E., Zaitsev Iu.P., Loboda I.I. Otchet ob okhrannykh issledovaniiah Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 1994 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossijskoj akademii nauk*, F. 1, Op. 1, D. 28.
15. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2004–2007 gg.*, Simferopol, IP Brovko Publ., 2017, 372 p.
16. Strzheletskij S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. *Naselenie okrugov Khersonesa v pervoj polovine I tysyacheletiya novoj ery (po materialam nekropol'ya «Sovkhoz 10»)*. *Stratum plus*, 2003–2004, No 4, pp. 27–277.
17. Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapol'ya skifskogo)*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 172 p.

18. Trufanov A.A. Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov Iugo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kryma). *Bakhchisarayskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Tavriya Publ., 1997, Vol. I, pp. 181–192.
19. Trufanov A.A. Mogila № 656 Ust'-Al'minskogo pozdneskifskogo nekropolya. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 1999, Vol. X, pp. 226–231.
20. Trufanov A.A. Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogil'nikov Krymskoj Skifi. *Drevnyaya Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 173–186.
21. Trufanov A.A. Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. *Stratum plus*, 2005–2009, No 4, pp. 117–328.
22. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druznoe (III–IV vv. nashei ery)*, Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2002, 313 p.
23. Khrapunov I.N. Novye dannye o sarmato-germanskikh kontaktakh v Krymu (po materialam raskopok mogil'nika Neizats). *Bosporskiye issledovaniya*, 2003, Vol. III, pp. 329–349.
24. Khrapunov I.N. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neizats. *Issledovaniya mogil'nika Neizats*, Simferopol, Dolya Publ., 2011, pp. 13–113.
25. Crummy N. *The Roman small finds from excavations in Colchester 1971–9*, Colchester, 1983, 446 p.
26. Guiraud H. Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule. *Gallia*, 1989, T. 46, pp. 173–211.
27. Feugère M. *Les Fibules en Gaule Méridionale (de la conquête à la fin du V s. ap. J.–C.)*, Paris, Centre National de la Recherche Scientifique Publ., 1985, 503 p.
28. Riha E. *Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*, Augst, 1979, 201 p.
29. Riha E. *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst*, Augst, 1990, 235 p.
30. Riha E. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*, Augst, 1994, 205 p.

A. A. TRUFANOV

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

**FINGER-RINGS WITH ENAMEL INSETS FROM BARBARIAN
GRAVES IN THE CRIMEA**

Abstract. Bronze finger-rings decorated with enamel insets were among the group of artefacts distributed in Roman provinces, forming a component of the provincial Roman material culture. This paper discusses the finds of such artefacts excavated from the graves at barbarian cemeteries in the Crimean peninsula. Five variants of finger-rings have been suggested according to the formal differences. Enamelled finger-rings occurred in graves from the second century AD or the second half of the second and the first half of the third century AD. This chronology suggests that enamelled finger-rings appeared in Crimean graves from the mid-second century AD on. However, the assumption that these artefacts came into use earlier (in the late first and the first half of the second century AD) requires further arguments.

Key words: Crimea, cemeteries, graves, finger-rings, enamel insets, chronology.

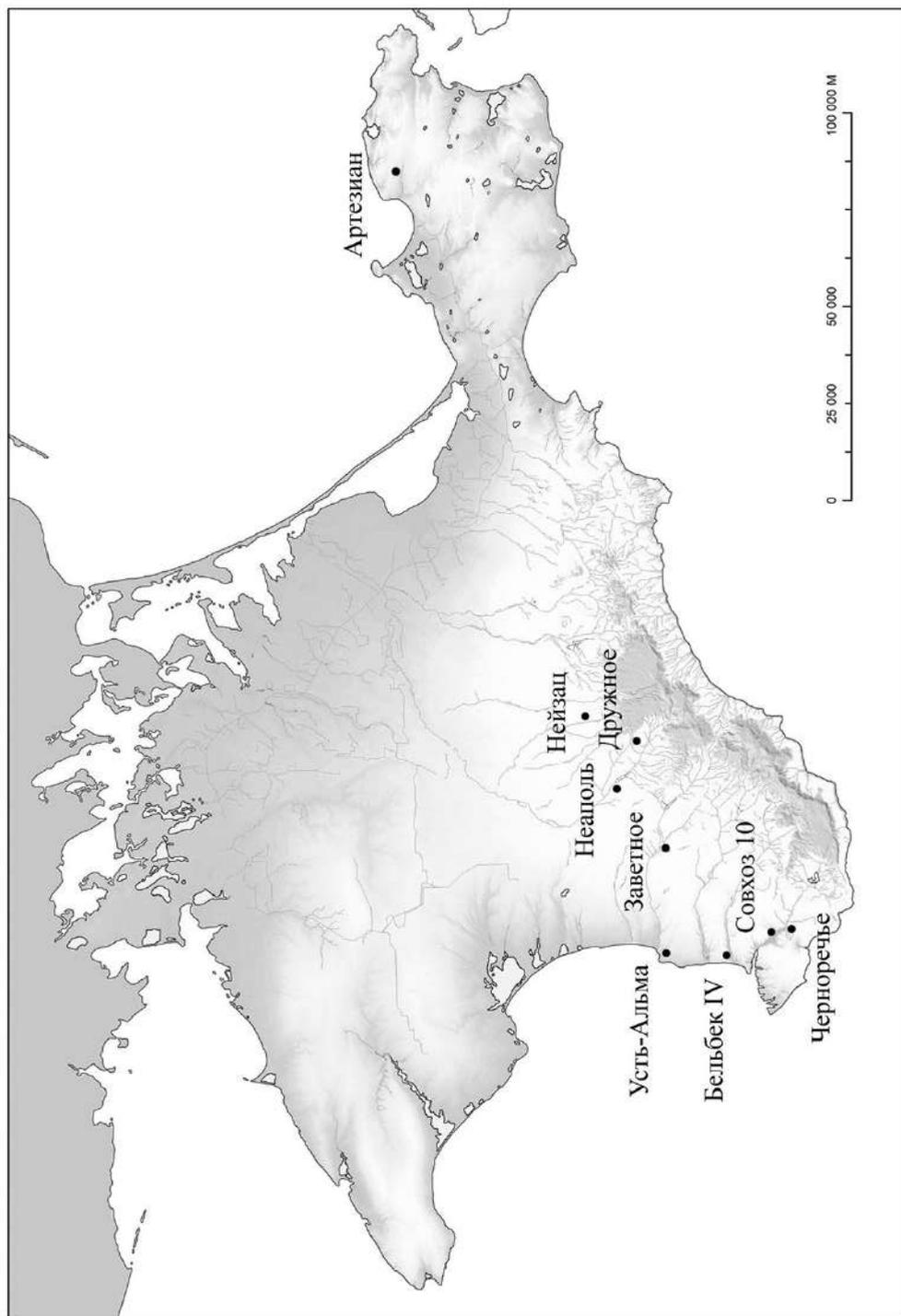

Рис. 1. Карта Крымского полуострова с указанием могильников

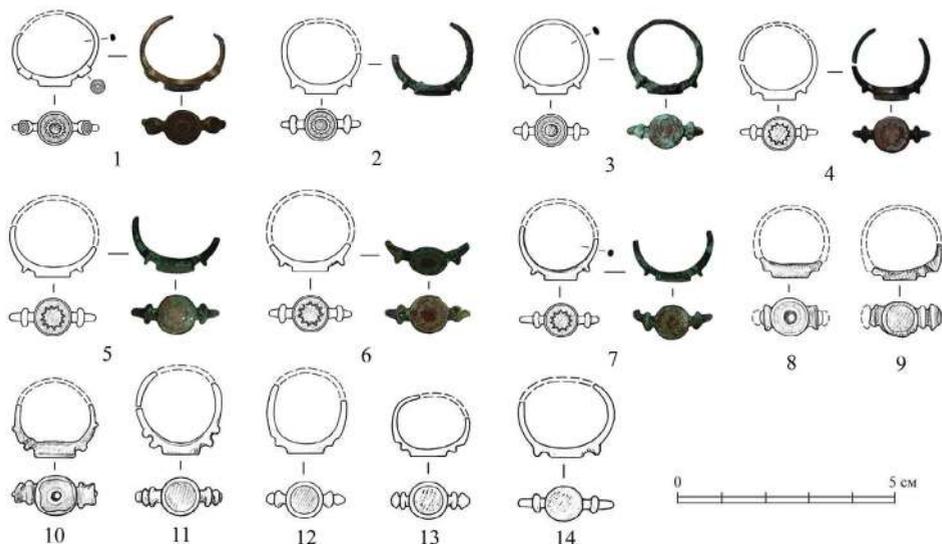

Рис. 2. Перстни с эмалевыми вставками: 1 – склеп 125/2 (Усть-Альма); 2, 3 – могила 191 (Усть-Альма); 4 – могила 284 (Усть-Альма); 5, 6 – склеп 316 (Усть-Альма); 7 – могила 331 (Усть-Альма); 8–10 – склеп 424-А/9 (Усть-Альма); 11, 12 – склеп 520/2 (Усть-Альма); 13 – могила 582 (Усть-Альма); 14 – могила 589 (Усть-Альма) [1–7, 11–14 – фонды БИКАМЗ; 8–10 – по: 14, к.о. 730]

Рис. 3. Перстни с эмалевыми вставками: 1, 2 – могила 656 (Усть-Альма); 3 – склеп 830 (Усть-Альма); 4 – могила 894 (Усть-Альма); 5, 6 – могила 1086 (Усть-Альма); 7 – могила 3 (Неаполь); 8 – могила 90 (Нейзац); 9 – могила 243 (Бельбек IV); 10 – могила 260 (Бельбек IV); 11 – случайная находка (Бельбек IV); 12 – могила 310/2 (Заветное); 13 – могила 311 (Заветное); 14 – могила 52 («Совхоз 10»); 15 – могила 15 (45) (Черноречье) [1–6, 15 – фонды БИКАМЗ; 7 – по: 17, табл. XXX,3; 8 – по: 24, рис. 45,12; 9–11 – по: 8, табл. 169,8; 181,5; 221,13; 12, 13 – по: 10, рис. 17,15; 18,2; 14 – по: 16, табл. 7,72]

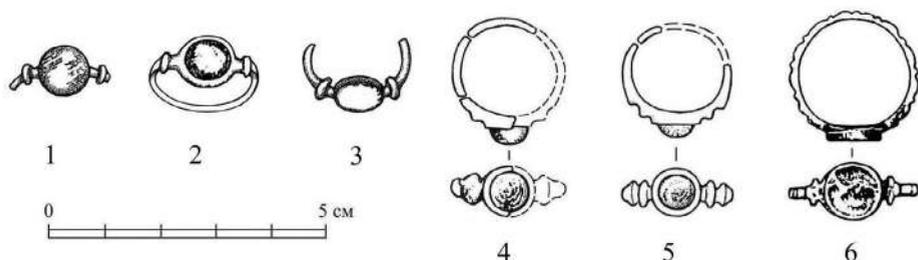

Рис. 4. Перстни с декоративными выступами на шинке: 1 – могила 27 (Усть-Альма); 2 – склеп 88 (Усть-Альма); 3 – склеп 125 (Усть-Альма); 4 – склеп 520/21-23 (Усть-Альма); 5 – могила 564 (Усть-Альма); 6 – могила 73 (Дружное) [1–3 – по: 6, табл. 6,33; 27,14; 42,6; 4, 5 – фонды БИКАМЗ; 6 – по: 22, рис. 170,3]

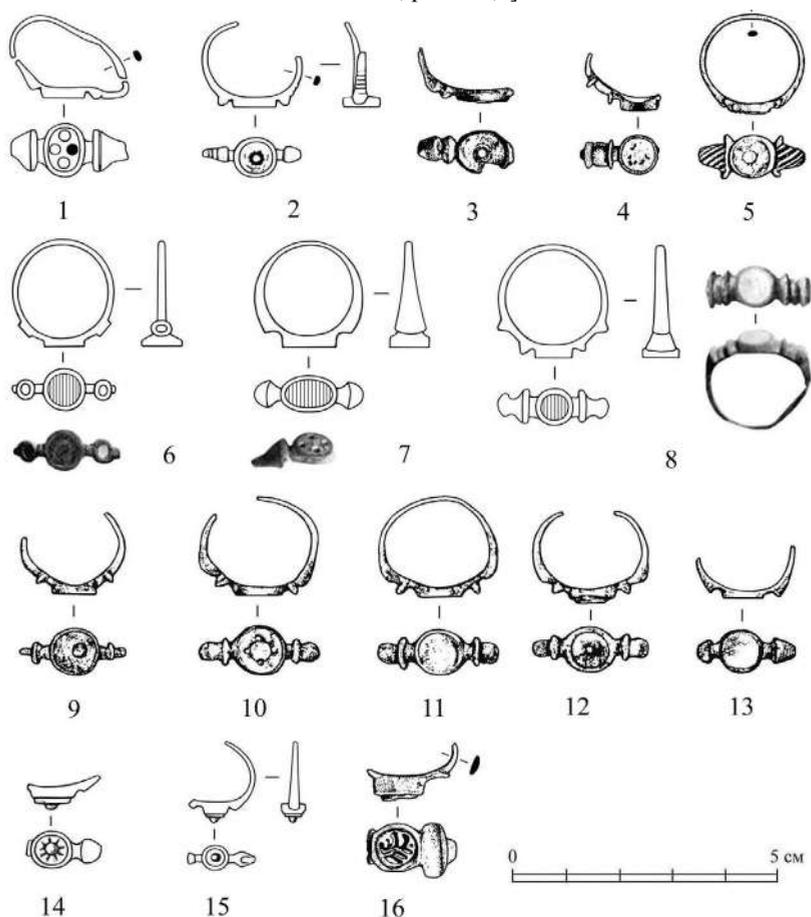

Рис. 5. Перстни с эмалевыми вставками: 1, 2 – Аугуста Раурика; 3–5 – Колчестер; 6–8 – Галлия. Перстни со стеклянными вставками: 9–13 – Никоний; 14, 15 – Аугуста Раурика; 16 – Колчестер [1, 2, 14, 15 – по: 29, taf. 7,108,109; 7,110,111; 3–5, 16 – по: 25, fig. 50,1778,1781,1780,1785; 6–8 – по: 26, fig. 5,2,3; 23,c,d; 30,d; 9–13 – по: 4, рис. 72,2–6]